

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА *ПОСЛЕДНЕГО И ПРЕДПОСЛЕДНЕГО*¹

Апресян В. Ю. (valentina.apresjan@gmail.com)

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики; Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Шмелев А. Д. (shmelev.alexei@gmail.com)

Московский педагогический государственный
университет; Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН; Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, Москва, Россия

В работе рассматривается система значений прилагательного *последний*. Предлагается семантический инвариант прилагательного *последний* с двумя семантическими валентностями — элемента и последовательности — и демонстрируется, каким образом модификации инварианта, включая добавление валентностей ориентира и момента времени, приводят к образованию новых значений. Показывается, каким образом семантические свойства *последнего* в каждом из его значений мотивируют его синтаксические и сочетаемостные свойства. Кроме того, обсуждается роль прагматики и лексикализации грамматических форм и конструкций в разрешении неоднозначности сочетаний со словом *последний*, а также лексические соответствия этого прилагательного в английском языке.

Ключевые слова: семантика, прагматика, валентность, конструкция, сочетаемость, статические последовательности, динамические последовательности, временной отрезок, прагматическая импликатура

¹ Работа над данной статьей отчасти финансировалась следующими грантами: грант Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» — «Основной лексический фонд русского языка как элемент русской культуры: системная организация лексики и ее отражение в словаре» (2015–2017), грант РГНФ № 16-04-00302 «Подготовка третьего выпуска Активного словаря русского языка» (2016–2018), грант РГНФ, проект № 15-04-00488 «Изменения узуса и кодификация норм русского литературного языка» (2015–2017).

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE RUSSIAN WORDS *POSLEDNIJ* AND *PREDPOSLEDNIJ*

Apresjan V. Ju. (valentina.apresjan@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics;
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shmelev A. D. (shmelev.alexei@gmail.com)

Moscow Pedagogical State University; Vinogradov Institute
of Russian Language, Russian Academy of Sciences;
St Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

The paper considers the senses of the Russian adjective *poslednij* 'last'. Its polysemy is analyzed as deriving from a certain core semantic structure that is common to all its meanings. The core structure has two semantic valencies — of a sequence and of a sequence element. Modifications of the core structure, including additional valencies (point of reference and landmark) account for its polysemy, as well as for diversity of its collocational and syntactic properties. The paper also demonstrates the role of pragmatics and lexicalization of grammatical and syntactic forms in disambiguating different meanings of *poslednij*, against the backdrop of its English correlates.

Key words: semantics, pragmatics, valency, construction, collocation, static sequence, dynamic sequence, time period, pragmatic implicature

1. Семантический инвариант *последнего*

В работе предлагается трактовка русского прилагательного *последний*, позволяющая описать разные его значения как единую систему, а также объяснить его синтаксические и сочетаемостные свойства в разных значениях. Некоторые из рассматриваемых в статье языковых фактов обсуждаются в работе [Спиридонова 2002], однако в целом их представление в данной работе существенным образом отличается. В первую очередь это касается предлагаемой структуры полисемии и семантического инварианта *последнего*, а также толкований значений и анализа механизмов семантической деривации. У *последний* есть семантический инвариант, который повторяется во всех значениях. Его можно сформулировать следующим образом:

Последний X в Y = 'Элемент X расположен в последовательности однородных элементов Y таким образом, что все остальные элементы Y идут до него'.

Как видно из этого толкования, у *последний* есть две валентности — элемента и последовательности; ср. *последнее слово* [X] в строке [Y]. Интерпретация *последнего* зависит от характера последовательности и ее элементов.

Почти для всех сочетаний с *последним* возможна интерпретация 'такой X, после которого уже не будет другого такого Ха'; ср. *Этот разговор оказался последним*.

В этой интерпретации добавляется валентность предела Z, в рамках которого не будет повторения Ха, а валентность последовательности, как правило, не реализуется: *На сегодня [Z] это последняя конфета [X], Сегодня последний семинар [X] в этом году [Z]*. Если валентность предела не выражена, в данной интерпретации под пределом по умолчанию понимается конец жизни (об интерпретации абсолютный конец' см. [Спиридонова 2002:174]).

Для интерпретации 'последний в жизни' характерна рематичность слова *последний*; ср. акцентное выделение: *Это наша **последняя** встреча*.

Прагматическая неоднозначность сочетаний типа *последняя встреча* и наличие лакуны в русском языке, не позволяющее разрешить неоднозначность лексически², объясняют «суеверное» использование слова *крайний* с целью разрешения неоднозначности; ср. просторечные высказывания типа *крайний прыжок с парашютом* = 'последний на данный момент'.

В этой интерпретации *предпоследний*³ является возможным, хотя и не частым аналогом *последнего*, поскольку предполагает знание того, что произойдет или произошло: *Илья Иосифович, давно уже освобождённый из **предпоследней**, как выяснилось впоследствии, отсидки [...], разглагольствовал о тайном шифре жизни ...* (Л. Улицкая).

2. Типы последовательностей и значения *последнего*

Последовательности могут быть статическими, т. е. законченными (*строка, таблица, алфавит*) и динамическими, т. е. продолжающимися (*новости, семинары, выпуски газеты*). Один тип последовательности может переходить в другой — так, последовательность *книг* писателя является динамической в течение его жизни и становится статической после его смерти. Ниже рассматриваются разные употребления слова *последний*, модификации семантического инварианта его значения и синтаксических способов выражения валентности в зависимости от типа последовательности и создающих ее объектов.

2.1. Статические последовательности

Статические последовательности — это такие, в которых число элементов не изменяется. Они делятся на фасадные и не фасадные [о семантическом признаке фасадности см. Fillmore 1969, Апресян 1974:111–112, Апресян 1995:40–42].

² Ср. английское *last meeting* ('в жизни или в каком-то ее отрезке') vs. *latest meeting* ('на данный момент').

³ Это же касается и более редкого аналога *предпредпоследний* и всех потенциальных дериватов, образованных по этой модели.

Под фасадными последовательностями понимаются такие, у которых порядок расположения элементов фиксирован, т. е. начало и конец последовательности не зависят от положения наблюдателя и других объектов в пространстве.

2.1.1. Фасадные статические последовательности

Прототипические фасадные последовательности — это текстовые объекты: *абзацы, строчки, таблицы*. Для них в русскоязычной культуре фиксирован порядок слева направо и сверху вниз, в соответствии с правилами чтения и письма. Таким образом, *последняя строчка в абзаце* — это самая нижняя строчка, *последнее слово на строчке* — самое правое.

Для книг принцип упорядочивания несколько другой. Скажем, *последняя страница книги* — эта та, которая имеет наибольший порядковый номер (при условии, если они все пронумерованы) или самая нижняя при естественном расположении книги в ее использовании, т. е. когда книга находится в горизонтальном положении на некоторой поверхности и ее передняя обложка (та, на которой напечатано название) обращена вверх. Эта страница останется *последней*, даже если книгу перевернуть или если начать чтение с *последней страницы*.

Помимо текстовых объектов, фасадны также некоторые пространственные последовательности. Например, *сидеть на последней парте* однозначно интерпретируется как 'сидеть на той парте, которая расположена дальше всего от доски'. Так же устроены сочетания типа *сидеть на последнем ряду в театре* (на самом удаленном от сцены).

Сочетание *на последнем этаже* тоже понимается однозначно — как 'на самом высоком этаже дома', потому что в русскоязычной культуре этажи нумеруются, начиная от самого близкого к земле.

Что касается сочетаний типа *последний дом*, то их интерпретация неоднозначна: если имеется в виду нумерация, то речь идет о фасадной статической последовательности, и *последний дом на улице* — это имеющий наибольший номер; если говорящий воспринимает дома визуальнo — это наиболее удаленный от него дом. Кроме того, мысленно располагая дома относительно наблюдателя, находящегося в середине улицы, можно говорить о *последнем доме слева* и *последнем доме справа*. Во всех этих случаях речь идет о нефасадной последовательности. Таким образом, очевидно, что деление на фасадные и нефасадные последовательности до некоторой степени условно, т. к. некоторые фасадные последовательности могут интерпретироваться нефасадно.

При употреблении *последнего* в контексте фасадных статических последовательностей валентность последовательности Y может выражаться зависимым при существительном, выражающем валентность X: *последний этаж (дома), последний этап (конкурса)*.

В подобных контекстах может употребляться и слово *предпоследний*. По данным ресурса Sketch Engine (корпус RuTenTen), именно статические последовательности формируют самый частый тип употреблений *предпоследнего*: *предпоследний слог, абзац, строчка, строка, столбец, этаж, этап, раунд*. Это весьма естественно: в статической последовательности *предпоследний*, как и любое другое закрепленное пронумерованное место в ряду, легко фиксируется.

2.1.2. Нефасадные статические последовательности

Нефасадные последовательности упорядочиваются в зависимости от положения наблюдателя или ориентира. Нефасадные последовательности могут создаваться любыми объектами, не предполагающими фиксированного порядка; чаще всего — это стоящие в ряд пространственные объекты или люди. *Последний* в подобных контекстах часто используется для объяснения, о каком из объектов идет речь. Для устранения неоднозначности вводится указание на ориентир (им может быть наблюдатель) и/или направление упорядочивания объектов: *Но я заметил, что одно кресло, самое последнее справа от меня, пустует* (В. Бережков); *Домик монтажниц торчал четвертым слева на последней от штаба улице* (В. Корнилов).

Употребление *последнего* в подобных контекстах ограничено наличием у него сильного конкурента — слова *крайний*; ср. *Казарин стоит крайним справа* (Д. Быков). Так, в НКРЯ встретилось 8 сочетаний *последний справа* и 28 сочетаний *крайний справа*.

Впрочем, *крайний* применим только к горизонтально расположенным последовательностям; если последовательность расположена вертикально, употребляется *последний*: *последняя ступенька*, но не **крайняя ступенька*. Сочетание *последняя ступенька* представляет собой интересный контраст сочетанию *последний этаж*: если *последний этаж* — это всегда самый верхний, интерпретация *ступеньки* зависит от направления движения наблюдателя; ср. *Добрался до последней ступеньки и упёрся лбом в потолок* [самая верхняя] (Ю. Домбровский); *Он спустился с последней ступеньки и зашёл в кабинет напротив* [самая нижняя] (Ю. Домбровский).

Валентность последовательности в этом типе употреблений *последнего* часто не выражается, поскольку сама последовательность может не иметь специального названия; ср. избыточность *последняя девушка (в ряду людей)*, *последний дом (в ряду домов)*. При этом добавляется обязательная валентность ориентира и/или направления отсчета объектов: *последний справа от центра/от леса*, *последний сверху/снизу/справа/слева*.

В подобных контекстах также употребляется *предпоследний*; ср. *предпоследняя ступенька*, *Он на фотографии предпоследний справа*.

2.1.3. Создающиеся статические последовательности

Промежуточный случай между статическими и динамическими последовательностями образует тип *создающихся* статических последовательностей. В каждый заданный момент времени они представляют собой статическую фасадную последовательность, однако во времени число и порядок элементов могут меняться. Соответственно, статус *последнего* у объектов, образующих эти последовательности, является временным. Создающиеся статические последовательности — это очереди, а также порядок следования в разного рода соревнованиях; ср. *последний в очереди*; *последний в рейтинге*.

У данного типа употреблений валентность элемента X обычно не выражена, валентность Y выражена предложно-именной группой при *последнем*: *последний (спортсмен) в турнирной таблице*, *последний (человек) в очереди*.

Само слово *последний* обычно употребляется копредикативно в творительном падеже, т. е. в депиктивной конструкции, что подчеркивает временный и ситуативный статус *последнего* (о депиктивной конструкции см. [Кузнецова, Рахилина 2010]): *выступить последним, последним, прийти последним, стоять последним, закончить последним*.

Сдвинутый тип употреблений в этом значении образуют сочетания *последнего* с кместоимением и сослагательным наклонением вида *Он последний, к кому бы я обратилась за помощью*, где очередь выстраивается лишь в сознании говорящего.

В этих контекстах также может употребляться *предпоследний*: *стоять предпоследним, идти предпоследним в турнирной таблице*. Однако в конструкции с кместоимением слово *предпоследний* не употребляется; ср. невозможность **Он предпоследний, к кому бы я обратилась за помощью*.

2.2. Динамические последовательности

Динамические последовательности делятся на такие, в которых объекты исчезают, и такие, в которых объекты добавляются.

2.2.1. Динамические последовательности с исчезающими объектами

Типичные последовательности с исчезающими объектами — это разного рода ресурсы, которые постепенно исчерпываются, так что остается только один объект или часть — *последний* или *последняя*; ср. *Он съел последнее яблоко; Он другу последнюю рубашку отдаст; сражаться из последних сил/ до последней капли крови; последние соки/ крохи* (такие сочетания часто склонны к идиоматизации). К этому же типу употреблений относятся *последний шанс, последняя возможность*, которые также воспринимаются как ограниченный ресурс.

Валентность последовательности в этом значении обычно не выражается, поскольку названием динамической последовательности является название ее объектов во множественном числе; ср. невозможность тавтологического высказывания **Он съел последнее яблоко из яблок*. Однако существует возможность выразить ее при помощи выделительной конструкции с предлогом *из*, если не эксплицитировать валентность элемента; правда, это возможно не всегда и требует добавления прилагательного: *Он съел последнее из оставшихся яблок*, но не **Он съел последний из оставшегося сахара*. Чтобы употребление этой конструкции было возможно, необходимо, чтобы элементы динамической последовательности были дискретными и составляли некоторое множество.

В этом значении *предпоследний* также допустим (*Он съел предпоследний банан*), но только в ситуациях, когда элементы дискретны и подвергаются реальному счету; соответственно, сочетания с названиями совокупностей невозможны: **предпоследний сахар, *предпоследние бананы*. Также невозможна замена *последний* на *предпоследний* в идиоматизированных сочетаниях, где речь не идет о реальном последовательном исчезновении объектов: **Он отдаст другу предпоследнюю рубашку*.

При этом в совокупности исчезающих объектов некоторый объект можно назвать *последним* еще до того, как он исчез (*На тарелке осталось последнее яблоко*), а *предпоследним* объект оказывается только после своего исчезновения (из двух яблок, лежащих на тарелке, ни одно не является *предпоследним*).

2.2.2. Динамические последовательности с появляющимися объектами

Этот класс представлен регулярно появляющимися информационными объектами; ср. — *выпуски газет, музыкальные альбомы, фильмы, книги, версии программ* и пр. Инвариант значения *последнего* модифицируется в этой интерпретации как: 'на момент речи после данного объекта других подобных объектов не было'.

Отдельная разновидность контекстов внутри этой интерпретации — это последовательности со сменяющимися друг друга объектами, где последовательность образуется разными вариантами объекта, причем каждый последующий отменяет остальные; ср. *последнее завещание* — такой вариант завещания, после которого на момент речи новые изменения не вносились и который является на момент речи актуальным. Ср. также *последний вариант статьи, последнее решение правительства, последняя редакция книги*. Синонимом *последнего* в этом значении является *актуальный*, антонимами — *предыдущий, предпоследний, предшествующий*, английский коррелят — *latest*.

Если известно, что новые варианты объекта по той или иной причине появляться не будут, динамическая последовательность превращается в статическую: *Это мое последнее решение* [не на данный момент, а вообще — оно больше не будет меняться]. В этой интерпретации синоним *последнего* — *окончательный*, английский коррелят — *final*. К этому же типу употреблений относятся сочетания *последняя истина, последняя прямота, последняя правота*.

Выбор интерпретации определяется прагматикой; ср. *Я ей писал, что не оставляю ее у отца, и она знает, что это мое последнее* 'окончательное' решение (А. К. Шеллер-Михайлов) vs. *Таким образом, последнее* 'актуальное на данный момент' решение Багдада снижает вероятность того, что ОПЕК на этой неделе примет решение об увеличении квот на добычу нефти («Финансовая Россия», 2002.09.19).

Валентность последовательности в этом значении обычно не выражается, за исключением выделительной конструкции с предлогом *из*: *последний из выпусков «Троицкого варианта»*. Кроме того, возникает валентность момента времени, которая часто не выражается эксплицитно; ср. *последняя (на тот момент) книга Улицкой*. В дейктическом режиме, если эта валентность не выражена, высказывание интерпретируется относительно момента речи.

Слово *предпоследний* употребляется в динамической интерпретации 'актуальный', но не в статической 'окончательный'; ср. *На её вопрос: «Ведь моё последнее завещание действительно, а предпоследнее нет?» — её нотариус отвечал: «Валентина Михайловна, в вашем случае я бы ставил на документах час»* (С. Спивакова), но нельзя: *«Это мое предпоследнее решение, *Я хочу знать предпоследнюю истину»*.

2.2.3. Динамические последовательности с событиями и мероприятиями

Типичные последовательности в этом круге употреблений –регулярные события и мероприятия: *последнее землетрясение, последний семинар, последний разговор, последняя встреча, последний матч* (об этом круге употреблений см. [Спиридонова 2002: 172]). Для этого круга употреблений важна повторяемость и ожидаемость событий; ср. естественные сочетания *последнее наводнение/ торнадо/ землетрясение/солнечное затмение, последний снегопад/дождь* (о погодных явлениях, которые предсказывают метеослужбы), но странно ²²*последний иней*, ²³*последняя роса*.

Как отмечалось выше, все подобные сочетания могут интерпретироваться статически — ‘такое событие или мероприятие, которое больше не повторится в рамках заданного отрезка времени или никогда’ (*Эта встреча оказалась последней*). Что касается динамических интерпретаций, то здесь возможны два варианта.

Рассмотрим фразу *На нашем последнем семинаре мы обсуждали максимы Грайса*. Эту фразу можно сказать как во время происходящего в данный момент семинара, и тогда *последний* будет значить ‘предыдущий’ и будет являться синонимом *предпоследнего, предыдущего* и антонимом *нынешнего, сегодняшнего* (инвариант значения *последнего* модифицируется в этой интерпретации как: ‘после того события и до события сейчас не было другого подобного события’). Однако она может быть сказана и до того, как следующий семинар состоится, например, по телефону или в письме, тогда это ‘такое событие, после которого на момент речи еще не было другого такого события’.

Отдельно в рамках данного употребления интересно рассмотреть сочетание (*в*) *последний раз* [о некоторых различиях предложных и беспредложных синтаксических фразем со словом *раз* и прилагательным см. Иомдин 2016]. Хотя вообще русский язык лексически не различает значения ‘на данный момент ситуация больше не повторялась’ и ‘ситуация больше никогда не повторится’, на отдельных сочетаниях та или иная интерпретация может быть лексикализована. Примером такой лексикализации являются сочетания *последний раз* и *в последний раз*: первое обычно задает интерпретацию ‘на данный момент ситуация больше не повторялась’, второе — ‘ситуация больше никогда не повторится’ (это не правило, поскольку для каждого сочетания возможны противоположные интерпретации, а тенденция). В силу этого различия *последний раз* тяготеет к употреблению в теме, а *в последний раз* — в реме: *Последний раз мы виделись в прошлую пятницу vs. В прошлую пятницу мы виделись в последний раз*. С отрицанием для обоих вариантов возможна только интерпретация ‘ситуация больше никогда не повторится’: *Не последний раз/Не в последний раз видимся*.

Валентность последовательности в этом значении обычно не выражается, возможна выделительная конструкция: *последний из матчей сезона*. Как у всех динамических последовательностей, есть факультативная валентность момента времени. Если она не выражена, то высказывание интерпретируется относительно момента речи. *Предпоследний* употребляется в подобных контекстах: *Предпоследний матч они проиграли*.

2.2.4. Динамические последовательности с отрезками времени

Едва ли не самыми характерными для прилагательного *последний* оказываются сочетания с обозначениями отрезков времени. В соответствии с подразделением, описанным в статье [Шмелев 2011]⁴, разграничиваются три класса обозначений отрезков времени, которые условно названы «длительностями», «фиксированными периодами» и «циклами». «Длительности» дают отрезку времени чисто количественную характеристику: они характеризуют его лишь с точки зрения его продолжительности, безотносительно к его положению на временной оси. К ним относятся такие слова, как *минута 1, час 1, день 1, сутки 1, неделя 1, месяц 1, год 1*. «Фиксированные периоды» характеризуют отрезки времени с точки зрения их положения на временной оси, это такие слова, как *понедельник, 15 сентября, февраль, зима, утро, день 2*. Большинство «фиксированных периодов» циклически повторяется, т. е. представляют собою части «циклов». К «циклам» относятся *день 3* (продолжающийся от полуночи до полуночи), *месяц 2*, длящийся с 1го по 28е, 29е, 30е или 31е число, *неделя 2*, состоящая из *понедельника, вторника* и т. д., *год 2*, начинающийся 1 января и заканчивающийся 31 декабря. Главная особенность «цикла» заключается в том, что, как только цикл заканчивается, начинается новый цикл.

Обратим внимание на то, что во многих случаях обозначения «длительностей» и обозначения «циклов» внешне совпадают. Это следует иметь в виду при обсуждении интерпретации таких сочетаний, как *последний год, последний месяц, последняя неделя*.

Забегая вперед, заметим, что многие обозначения отрезков времени обладают идиосинкратическими свойствами в отношении интерпретации их сочетаний со словом *последний*. В частности, в сочетании со многими существительными прилагательное *последний* получает различную интерпретацию в зависимости от того, употреблено ли существительное в форме единственного или множественного числа. Опишем некоторые правила интерпретации сочетаний прилагательного *последний* с обозначениями временных отрезков.

Для всех сочетаний, включающих обозначение «длительности», возможна интерпретация **'последняя часть целого'**, т. е. отрезок указанной длительности, непосредственно предшествующий окончанию этого целого: *последний год тюремного заключения, последняя неделя беременности, последние минуты матча*. При этом окончание целого к моменту речи может быть как состоявшимся, так и запланированным. Разновидностью данной интерпретации является понимание прилагательного как **'последний в жизни'**: *последний год Толстого*. Данная разновидность в норме возможна только после смерти того,

⁴ В указанной статье данная классификация использовалась для описания сочетаемости обозначений отрезков времени с операторами, отсылающими к будущему, т. е. с прилагательными *будущий, следующий, ближайший, предстоящий*. Однако очевидно, что она имеет значительно более общий характер и релевантна для описания языкового поведения рассматриваемых разных единиц, сочетающихся с обозначениями отрезков времени.

о ком идет речь; тем самым характеристика *последний* дается *post factum*⁵. Сюда же примыкает интерпретация **‘непосредственно предшествующий какому-либо событию’**: *последний перед эмиграцией год, последний день перед отъездом, последняя минута перед расставанием*, когда в фокусе внимания оказывается не период, частью которого является рассматриваемый отрезок, а событие (как правило, начинающее некоторый новый период). Особый случай представляет собою действительная интерпретация, когда имеется в виду отрезок, непосредственно предшествующий моменту речи или иной действительской точке отсчета: *Последний месяц я плохо себя чувствую* (примерно 30 дней перед моментом речи).

Для «фиксированных периодов» существуют сходные интерпретации: ‘часть целого, после которой в пределах этого целого не было аналогичного фиксированного периода’ (*последний четверг января*); ‘последний в жизни’ (*Та Пасха оказалась последней в жизни Романовых*)⁶; ‘последний перед каким-либо событием’ (*последняя суббота перед выборами*); действительская интерпретация (*Вот в последнее воскресенье укладываю ее, а она просит посидеть с ней еще...* [Михаил Шишкин]).

Для циклов сочетания со словом *последний* не очень характерны. Это связано с тем, что обозначения циклов внешне совпадают с обозначениями длительностей и в сочетании со словом *последний* обычно интерпретируются как длительности. Для указания на цикл предпочтительными оказываются сочетания со словом *прошлый* (если цикл уже завершился) или *прошедший, истекший* (они возможны и в рамках незавершенного цикла).

Лексикализация форм числа различается для разных временных отрезков. Так, для слова *день* действительская интерпретация оказывается вероятной для формы множественного числа (*Последние дни я плохо себя чувствую*), но маловероятной для формы единственного числа (*??Последний день я плохо себя чувствую*)⁷, а для слова *час* дело обстоит противоположным образом (*Последний час я сижу и скучаю, но едва ли ??Последние часы я сижу и скучаю*).

Уместно упомянуть также слово *время*. В единственном числе для него более всего характерна действительская интерпретация ‘неопределенное время,

⁵ Впрочем, это определяется вневлигвистическими соображениями: смерть редко планируется заранее. Однако можно найти контексты, в которых интерпретация окончания жизни как запланированного события оказывается вполне возможной или даже предпочтительной. Предложение Луиза Талбот решила провести последний день своей жизни, сидя в тени большого сикомора у заборчика перед ее домом (вольный перевод начального предложения детективного романа, цитированного в статье [Шмелев 1997: 472] для иллюстрации противопоставления *de dicto vs. de re* при передаче чужих мнений или высказываний) наводит на мысль о запланированной смерти. Лишь продолжение, сообщающее, что Луиза не знала, что ей предстоит умереть, снимает это предположение.

⁶ Эта разновидность для календарных периодов не характерна.

⁷ Это связано с тем, что для смысла ‘день накануне момента речи’ используется слово *вчера*. Точно так же и смысл, соответствующий английскому *last evening* используется выражение *вчера вечером*.

непосредственно предшествующее моменту речи или иной точке отсчета' (*Последнее время я плохо себя чувствую*), а во множественном числе слово обычно понимается как 'время, непосредственно предшествующее концу света' (*Настали последние времена*).

Слово *предпоследний* в рассматриваемых контекстах используется весьма ограниченно; в частности, для него не характерно дейктическое употребление.

3. Оценочные употребления *последнего*. Сочетаемостные особенности, семантическая мотивация

Существует устойчивая культурная конвенция упорядочивания объектов от «важных» к «неважным» и от «лучших» к «худшим». С этой конвенцией связаны возникающие у высказываний со словом *последний* прагматические импликатуры 'плохой' и 'неважный'. Конвенционализация этих импликатур приводит к появлению у слова *последний* значений 'самый незначительный' и 'очень плохой'.

Первое иллюстрируется сочетаниями *не из последних удалцов*, *не последний специалист в своей области*. Оно характеризуется отрицательной поляризацией, так как реализуется только в сочетании с частицей *не* и чаще всего с обозначениями лиц, обладающих положительными свойствами или компетенциями.

Второе значение иллюстрируется сочетаниями *последнее дело*, *ругаться последними словами*, *последний негодяй*, *последняя сволочь*, *последний дурак*. При сочетании с нейтральными словами (*дело*, *слова*) *последний* в этом значении задает отрицательную оценку для всего сочетания; при сочетании со словами, уже включающими отрицательную оценку (*негодяй*, *сволочь*, *дурак*), она усиливается.

В следующем примере из «Правой кисти» Александра Солженицына мы имеем дело с диффузным употреблением, когда трудно однозначно определить, какое из двух значений имеется в виду: *Последняя из этих женщин не решилась бы пройтись со мною рядом!* Слово *предпоследний* не имеет аналогичных значений.

Литература

1. Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
3. Иомдин 2016 — Л. Л. Иомдин. Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой раз (в печати).
4. Кузнецова, Рахилина 2010 — Ю. Л. Кузнецова, Е. В. Рахилина. Русские депиктивы // Рахилина Е. В. (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М., 2010. С. 159–183.

5. *Спиридонова* 2002 — Н. Ф. Спиридонова. От начала к концу: семантика прилагательного последний. // Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. С. 169–180.
6. *Шмелев* 1997 — А. Д. Шмелев. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 461–477.
7. *Шмелев* 2011 — А. Д. Шмелев. Парадоксы референции к будущему // Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011. С. 288–301.
8. *Fillmore* 1969 — Ch. J. Fillmore. Types of lexical information // Kiefer F. (ed.). Studies in syntax and semantics. Dordrecht, 1969. pp. 109–137.

References

1. *Апресян Ю. Д.* (1974), Lexical semantics. Synonymic Means of Language [Лексическая семантика. Синонимические средства языка], Nauka, Moscow.
2. *Апресян Ю. Д.* (1995), Integral description of language and systemic lexicography. [Integral'noe opisanie iazyka i sistemnaia leksikografiia], Shkola Iazyki Russkoi Kul'tury, Moscow.
3. *Jomdin L. L.* (in print), Microsyntactic constructions formed by the Russian word *raz* [Konstruktsii mikrosintaksisa, obrazovannye russkoj leksemoj raz].
4. *Kuznetsova Ju. L., Rakhilina E. V.* (2010), Russian depictives [Russkie depiktivy]. Rakhilina E. V. (ed.) Linguistics of constructions. [Lingvistika konstruktsij], Azbukovnik, Moscow, pp. 159–183.
5. *Spiridonova N. F.* (2002), From the beginning to the end: the semantics of the adjective *poslednij* 'last' [Ot nachala k kontsu: semantika prilagatel'nogo poslednij], Arutjunova N. D. (ed.) Logical analysis of language. Semantics of beginning and end. [Logicheskii analiz iazyka. Semantika nachala i kontsa], Indrik, Moscow, pp. 169–180.
6. *Shmelev A. D.* (1997), Methods of linguistic manipulation: Reference to "reality" as a manipulative practice [Priemy iazykovoi demagogii: Apelliatsiia k real'nosti kak demagogicheskii priem], Bulygina T. V., Shmelev A. D. Linguistic conceptualization of the world (from the evidence of the Russian grammar) [Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)], Shkola Iazyki Russkoi Kul'tury, Moscow, pp. 461–477.
7. *Shmelev A. D.* (2011), Paradoxes of reference to the future [Paradoksy referentsii k budushchemu], Linguistic futurism: Linguistic view of the future [Lingvofuturizm: Vzgliad iazyka v budushchee], Indrik, Moscow, pp. 288–301.
8. *Fillmore Ch. J.* (1969), Types of lexical information, Kiefer F. (ed.). Studies in syntax and semantics, Reidel, Dordrecht, 1969, pp. 109–137.